

Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

И.В. Никитенко, Э.В. Хомик

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПОСЯГАЮЩИЕ НА СВОБОДУ СОВЕСТИ
(РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Аналитический обзор

Хабаровск
ДВЮИ МВД России
2018

УДК 343.42
ББК 67.628.1
Н623

Издается по решению редакционно-издательского совета
Дальневосточного юридического института МВД России

Рецензенты:

начальник отдела ВНИИ МВД России канд. юрид. наук *А.Ю. Кундетов*;
начальник ЦПЭ УМВД России по Приморскому краю *Р.В. Кузин*

Никитенко, И.В.

Н623 Уголовная ответственность за преступления, посягающие на свободу совести (региональный аспект) : аналитический обзор / И.В. Никитенко, Э.В. Хомик ; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – 32 с.

В обзоре анализируется проблема роста преступлений, посягающих на свободу совести. Исследуются вопросы уголовной ответственности за оскорбление чувств верующих. Определено значение уголовно-правового регулирования данной сферы общественных отношений в современных условиях.

УДК 343.42
ББК 67.628.1

© ФГКОУ ВО
ДВЮИ МВД России, 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
1. Уголовная ответственность за посягательства на свободу совести и межконфессиональное согласие: вопросы теории и законодательства.....	6
2. Характеристика криминогенных факторов, влияющих на преступления против свободы совести.....	13
3. Вопросы уголовной ответственности за преступления, посягающие на свободу совести.....	19
Заключение.....	25
Приложение.....	26
Список литературы.....	30

ВВЕДЕНИЕ

Вера является неотъемлемой частью духовной жизни любого человека. Религиозные институты сопровождают общество на протяжении нескольких тысячелетий. Право на свободу совести и вероисповедания формировалось одновременно с государственностью и претерпевало многочисленные изменения в объеме прав человека и гражданина от полного отрицания духовности и нравственности до признания необходимости участия религии в жизни общества. Основной закон Российской Федерации гарантирует каждому свободу совести и вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Этот общий принцип раскрывается через законодательные акты, которые обеспечивают право человека на свободу совести и регулируют деятельность религиозных объединений. Российская нормативная база в данной сфере, хотя и медленно, но постепенно приближается к общеевропейским стандартам. В частности, это проявилось и в том, что еще в 1995 г. Гражданский кодекс Российской Федерации выделил среди субъектов гражданских правоотношений некоммерческие организации (п.1, 3 ст. 50 ГК РФ), к которым были отнесены и религиозные организации. Таким образом, было покончено с былой дискриминацией и ущемлением прав религиозных организаций. Они были уравнены во всех отношениях со всеми другими общественными объединениями, создаваемыми гражданами для реализации своих конституционных прав.

В развитие конституционных положений, обеспечивающих личные права граждан, был разработан и принят Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997). Статья 2 Закона к составным частям российского законодательства о свободе совести кроме соответствующих норм Конституции РФ относит Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», а также иные нормативные правовые акты Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, которые непосредственно касаются вопросов реализации прав человека на свободу совести и деятельности религиозных объединений.

Сегодня в России, по данным Министерства юстиции РФ, действуют более 23 тысяч религиозных организаций 60 направлений. Они пользуются поддержкой миллионов российских граждан. Среди них местные общества и централизованные религиозные организации, религиозные центры и монастыри, духовно-образовательные учреждения и миссии, братства и сестричества. Есть все основания утверждать, что в России созданы правовые и организационные условия для реализации гражданами своих прав на свободу совести. Религиоз-

ные организации играют заметную позитивную роль в общественной жизни. Они активно и плодотворно занимаются социальной, благотворительной, миротворческой, культурно-просветительской, образовательной, издательской и хозяйственной деятельностью. Эти усилия способствуют сдерживанию натиска аморальности, защите общечеловеческих норм и ценностей, нравственному оздоровлению общества.

Защиту от противоправных проявлений религиозного характера обеспечивают нормы административного и уголовного права, а именно ст. 5.26 КоАП РФ и ст. 148 УК РФ. Такое повышенное внимание со стороны законодателя обусловлено участвовавшими фактами обращений граждан о нарушении их права свободы совести и вероисповедания. Как правило, такие события вызывают бурный общественный резонанс в обществе, потому что тема достаточно острая и противоречивая. И именно поэтому законодатель попытался уравновесить законодательную систему, хотя по-прежнему остается много вопросов.

1. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дискуссия о детерминантах и распространении экстремистского мировоззрения в России преимущественно сведена к обсуждению цивилизационных, идеологических и политических корней этого явления. Однако в последнее время мы всё чаще становимся свидетелями безнравственных и циничных провокационных действий, посягающих не только на религиозные чувства верующих, но и моральные устои общества в целом. Особенно тревожит то, что подобные акции, выражающие пренебрежение, а порой и демонстративное презрение к иным ценностям, идеалам, взглядам и мнениям, нередко совершаются именно в тех странах, где идеологическое, национальное, этническое и религиозное многообразие представляет основу общественного и государственного устройства.

Наиболее резонансными из таких примеров являются акции глубокого общественного возмущения и негодования в мусульманских сообществах Голландии, Дании, Франции, ФРГ, а также других странах Западной Европы по поводу циничного высмеивания религиозных святынь. Авторами подобных изображений являются так называемые «свободные художники», отстаивающие право на свободу самовыражения. Однако следует учитывать и то, что большинство случаев глумления над религиозными символами оканчивалось ростом социальной напряженности. Об этом свидетельствуют участившиеся случаи религиозного экстремизма¹.

Так, после неоднократного опубликования карикатур на религиозные темы, из мести за подобную деятельность, 7 января 2015 года в одном из районов Парижа расстреляны из автоматического оружия сотрудники редакции сатирического еженедельника «Charlie Hebdo».

Особую тревогу отечественных исследователей вызывает то, что в современной России, так же как и в упомянутых странах Евросоюза, участились случаи осквернения религиозных святынь и символов либо, напротив, акты религиозного экстремизма, которые нередко являются ответной реакцией на первые действия. Среди наиболее иллюстративных примеров святотатства, ставших основанием для возбуждения уголовных дел, явились акции участниц панк-группы Pussy Riot, устроивших 19 и 21 февраля 2012 г. так называемые «панк-молебны» в православных храмах. В сентябре 2014 г. к наказанию в виде обязательных работ был осуждён 24-летний житель Ижевска, разместивший в одной

¹ Серебренникова А.В. Уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий по УК Германии (параграф 167) и УК Российской Федерации (ст. 148) // Юридические записки. 2013. № 1.

из социальных сетей фотографию с изображениями, оскорбляющими религиозные чувства мусульман. В апреле 2015 г. было возбуждено уголовное дело в отношении жителя Ставрополя Виктора Краснова, разместившего в интернет-блоге информацию, которая, по мнению следствия, оскорбляет религиозные чувства верующих одной из религиозных конфессий.

Один из последних примеров демонстративного пренебрежения к правилам поведения в местах отправления религиозных обрядов – случай, произошедший 2 сентября 2016 г. в Екатеринбурге. В одной из православных святынь – храмовом комплексе, возведенном в память о расстрелянной семье последнего российского императора, 22-летний житель Екатеринбурга Руслан Соколовский устроил «охоту» на так называемых «покемонов» – персонажей популярной компьютерной игры. Действия фигуранта сопровождалась нецензурной бранью, а всё происходящее снималось на мобильную видеокамеру. Позднее записанный сюжет был размещён в Интернете.

Можно выдвигать разные предположения о мотивах такого поступка. Однако это вызвало широкий общественный резонанс и справедливое возмущение. Соколовский был задержан полицией по подозрению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповедания» и ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что оторванный от моральных традиций полиморфизм и беспредельность современных нравов приводят к постепенной деградации традиционных нравственных механизмов защиты от подобного рода деяний. И сегодня уже выглядят обыденно акции массового, демонстративно публичного обнажения или половые акты в общественных местах, а также многое другое, что когда-то считалось не только недопустимым, но и невозможным. Складывается впечатление, что единственным мерилom в подобных, как, впрочем, и других случаях, остаётся даже не административная, ввиду часто неэффективного решения превентивных задач, а уголовная ответственность как наиболее репрессивная. И вполне понятно, почему именно уголовное законодательство, вопреки традиционной стабильности, демонстрирует столь высокую динамику обновлений¹. Однако следует учитывать и то, что ужесточение уголовной ответственности постепенно сужает возможности государственно-властного принуждения в обеспечении общественного порядка. В связи с этим проблемы уголовной ответственности за посягательства на свободу совести, вероисповеданий и межконфессиональное согласие в России становятся всё более актуальными.

¹Арямов А.А., Руева Е.О., Пономаренко В.С. Вариация на тему уголовно-правовой охраны свободы вероисповедания в Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2014. № 3. С. 11.

Характеризуя уголовно-правовые средства охраны свободы совести и вероисповедания, которые во многом определяют и межконфессиональное согласие в Российской Федерации, как одной из основ её общественного уклада, следует отметить, что и в административном, и уголовном законодательстве имеется достаточно широкий комплекс мер юридической ответственности за посягательства подобного рода. Примечательно и то, что применение соответствующих положений КоАП и УК РФ, а именно в процессе квалификации деяний, посягающих на изучаемую область общественных отношений, возникают проблемы правовой конкуренции. Вместе с тем надо отметить и то, что вектор развития институтов юридической ответственности за деяния подобного рода сегодня явно направлен на усиление уголовно-правовых рестрикций.

Известно, что признаки административной деликтности в связи с нарушением законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях сформулированы в положениях ст. 5.26 КоАП РФ. Кроме того, норма ст. 20.28 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за организацию деятельности «деструктивных» общественных или религиозных объединений. В свою очередь, норма ст. 20.29 КоАП РФ содержит запрет на производство и распространение материалов экстремистского характера, в том числе против свободы совести, вероисповеданий. В целом же эти нормы составляют систему административно-правового обеспечения межконфессионального согласия в российском обществе и государстве.

Отечественное уголовное законодательство содержит аналогичные составы правонарушений, отягощенных рядом объективных либо субъективных признаков (место или способ совершения, цели и побуждающие к совершению подобных деяний мотивы). Кроме того, в некоторых составах преступлений мотивация идеологической, конфессиональной и религиозной ненависти или вражды предусмотрена как отягчающее ответственность обстоятельство, свидетельствующее о присутствии дополнительных, наряду с основными, объектов уголовно-правовой охраны, например: п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ; п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ; п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ; п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ; ст. 116 УК РФ; п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ; ч. 2 ст. 119 УК РФ и т.д.

Вместе с тем, при всём многообразии уголовно-правовых запретов, предусматривающих ответственность за подобные деяния, в юридических науках обеспечение свободы совести и вероисповедания как основы конфессионального многообразия в Российской Федерации часто рассматривается в качестве отдельных объектов правовой охраны. Так, среди них выделяются отношения, интересы и блага, которые в своей совокупности образуют феномен «религиозная безопасность России».

Изучение же юридической концепции религиозной безопасности и прежде всего её институциональных признаков позволило прийти к выводу, что это

одна из фундаментальных основ поликонфессионального уклада российского общества¹. Именно это обстоятельство позволяет утверждать, что правовое обеспечение, а следовательно, и защита идеологического и конфессионального многообразия в современной России – одна из важнейших задач отечественной правовой системы. Конфессиональное же многообразие, наряду со свободой совести и вероисповедания как гарантии подобного многообразия, можно рассматривать в качестве одного из объектов уголовно-правовой охраны.

Известно, что уголовно-правовые средства обеспечения свободы совести, вероисповедания и конфессионального многообразия в современной России не отличаются юридической самодостаточностью. Это обусловлено тем, что основным источником права, к которому корреспондируют соответствующие уголовно-правовые нормы, является Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изм. и доп.).

В статье 26 указанного акта определено, что нарушение данного законодательства, наряду с иным, влечет и уголовную ответственность. Сегодня такая ответственность предусмотрена более чем в двадцати нормах отечественного уголовного законодательства, которые в своей совокупности и образуют условно-определенную систему уголовно-правовых средств, обеспечивающих свободу совести и вероисповедания, что, в свою очередь, является важным условием межконфессионального согласия в российском обществе.

Осознание всей важности уголовно-правовой охраны подобных общественных достояний обусловило ряд последних изменений отечественного уголовного законодательства. Так, Федеральным законом от 29 сентября 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» в норму ст. 148 УК РФ внесены существенные изменения. Это свидетельствует об актуализации вопросов совершенствования уголовно-правового механизма защиты соответствующей сферы общественных отношений.

Известно, что до внесенных изменений ст. 148 УК РФ называлась «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий». Данная уголовно-правовая норма предусматривала ответственность за незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов и содержала только одну часть с описанием одного состава преступления. Сегодня же вышеуказанная статья состоит из четырёх частей, при этом первая и третья части содержат описание признаков сразу двух основных составов преступлений, а вторая и четвёртая части вклю-

¹ Тарасевич И.А. Религиозная безопасность Российской Федерации. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2013.

чают ряд отягчающих ответственность обстоятельств и соответственно стали так называемыми квалифицированными составами преступлений.

Таким образом, использование специального приёма законодательной техники позволило существенно расширить компетенцию положений ст. 148 УК РФ, включив в нее два самостоятельных состава, имеющих существенные различия, хотя и охраняющих один и тот же объект. Отметим, что подобный законодательный приём нередко используется при формировании статей Особенной части УК РФ. Можно предположить, что это обусловлено целесообразностью более рационального использования условного законодательного пространства, когда в пределах существующих границ размещаются новые нормы, содержащие самостоятельные (основные) составы преступлений, при этом количество статей Особенной части УК РФ остаётся неизменным. Среди подобных примеров ст. 185.2, 195, 204, 228.1, 234, 239, 242, 249, 291.1, 292.1, 322, 332 УК РФ и др.

Так, ч. 1 ст. 148 УК РФ имеет прямое сходство с положениями ч. 1 ст. 213 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за хулиганские действия, совершаемые по мотивам, предусмотренным п. «б».

Допустим, что положения ч. 1 ст. 148 УК РФ являются специальной разновидностью хулиганства, находясь в правовой конкуренции с этим составом преступления. Известно, что при конкуренции общей и специальной норм приоритет при квалификации преступлений должен отдаваться специальной норме. Однако в этом случае вызывает сомнение состоятельность некоторых квалифицирующих признаков данного преступления. Например, использование уголовно-правового понятия «публичные действия» применительно к рассматриваемой норме. В связи с этим вполне уместен следующий вопрос: охватываются ли содержанием этой уголовно-правовой дефиниции действия, выражающиеся в грубом нарушении общественного порядка, которые, как известно, составляют объективную сторону уголовно наказуемого хулиганства? Отметим, что аналогичная терминология использовалась при конструировании вышеупомянутых положений КоАП РФ, которые конкурируют при квалификации соответствующих правонарушений с известными составами преступлений.

Полагаем, что один из важных вопросов, возникающих при юридическом анализе обновлённой редакции ч. 1 ст. 148 УК РФ, относится к толкованию «цели» этого преступления, которая сформулирована законодателем как обязательный признак его субъективной стороны.

Известно, что мотивация и целеполагание представляют собой взаимосвязанные проявления психики. Не является исключением и криминальное поведение ввиду того, что установление подобной взаимосвязи имеет не только важное доказательственное значение, но в ряде случаев подобное единство есть

обязательное условие наличия вины в отношении весьма широкого круга преступлений.

Подобное суждение позволяет предположить, что публичные действия, совершённые в целях оскорбления религиозных чувств верующих, могут иметь и экстремистские мотивы, что также сближает рассматриваемый состав преступления с законоположением п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

В свою очередь, законодательное разграничение объективных признаков основных составов преступлений, предусмотренных ст. 148 и 213 УК РФ, представляется весьма условным и непринципиальным, за исключением сугубо формального различия в объектах преступного посягательства. Указанное обстоятельство не только усиливает конкуренцию между этими правовыми нормами, но и существенно осложняет их практическое применение.

В связи с тем, что эти составы преступлений сконструированы как формальные и имеют весьма схожие субъективные признаки, логично предположить, что их основные различия – в характере самих преступных деяний. Однако возникает справедливый вопрос, как соотносятся уголовно-правовые дефиниции, образующие фабулы диспозиций анализируемых норм, а именно «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу» и «грубое нарушение общественного порядка», выраженное, как и в первом случае, в «явном неуважении к обществу»? И почему собственно «грубое нарушение общественного порядка» не рассматривается законодателем как «публичные действия», а если рассматривается, то почему деяние, описанное в п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, не является специальной разновидностью преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ?

Как уже отмечалось ранее, юридический смысл и структура сравниваемых положений свидетельствуют о правовой конкуренции между мотивированным хулиганством (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ) и целенаправленным оскорблением религиозных чувств верующих, весьма схожим с хулиганством способом (ч. 1 ст. 148 УК РФ).

И всё же главное отличие этих составов преступлений заключено в объектах преступных посягательств. Подобное разграничение с позиций систематизации норм Особенной части УК РФ вполне правомерно с точки зрения обособления охраняемых отношений. Ибо «общественный порядок» как основной объект преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, весьма отличен от «прав и свобод в религиозной сфере», охраняемых положениями ст. 148 УК РФ.

Принимая во внимание вышеперечисленные проблемы соотношений и конкуренций обозначенных уголовно-правовых норм, нетрудно предположить, что аналогичные вопросы могут возникать и при разграничении преступлений, предусмотренных ст. 148 УК РФ, от иных весьма схожих по своей юридической сути составов преступлений.

С большой долей вероятности можно утверждать, что демонстративное оскорбление чувств верующих вполне может выражаться и в осквернении объектов религиозного культа (зданий, сооружений и т.д.). Однако подобное обстоятельство порождает новую правовую конкуренцию законоположений всё той же ст. 148 УК РФ и ст. 214 УК РФ, предусматривающей ответственность за вандализм, который, в свою очередь, также имеет общие правовые черты с уголовно наказуемым хулиганством.

Глубокое изучение этой темы с позиций уголовного права и криминологии представляется весьма перспективным как с точки зрения совершенствования соответствующих положений отечественного уголовного законодательства, так и правоприменительной деятельности.

2. ХАРАКТЕРИСТИКА КРИМИНОГЕННЫХ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СВОБОДЫ СОВЕСТИ

Одним из главнейших факторов, оказывающих воздействие на религии, а также на государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения, является территориальный фактор. Это определяет актуальность исследований размещения религиозных организаций различных конфессий, в том числе в зависимости от расселенческой структуры. Последняя обладает большой инерционностью. Ее основными элементами в России являются сельские и городские поселения. Особое значение имеют административные центры регионов¹.

Религиозные организации оказывают заметное воздействие на все стороны жизни населения поселений, его консолидацию, культуру, образование и т.д. Соответственно, знания об их размещении способствуют комплексному представлению о территориальных сообществах и позволяют более обоснованно осуществлять управление социально-экономическим развитием поселений. Значение таких знаний об округах и регионах России возросло в период становления постсоветского конфессионального пространства.

Центральный федеральный округ представляет собой поликонфессиональную среду, где достаточно активно функционирует множество религий. Здесь зарегистрировано 355 религиозных организаций, принадлежащих к 16 конфессиям: Русская православная церковь Московского патриархата – 77,4 %, Российская православная автономная церковь – 4,3 %; Церковь адвентистов седьмого дня – 3,4 %; евангельские христиане-баптисты – 2,7 %, Церковь христиан веры евангельской (пятидесятники) – 2,3 %; Русская православная старообрядческая церковь – 1,7 %; евангельские христиане – 1,4 %; иудеисты, исламисты, «свидетели Иеговы» – по 0,6 %; Римско-католическая церковь, Армянская апостольская церковь, Евангелическо-лютеранская церковь, Общество сознания Кришны (вайшнавы) – по 0,3 %.

На 1 сентября 2015 года органами юстиции в регионах, расположенных в пределах Приволжского федерального округа (ПФО), было зарегистрировано 6146 религиозных организаций, принадлежащих к 35 конфессиям. На данный момент прекратился бурный рост количества религиозных организаций, характерный для первой половины 1990-х годов. Не меняется и соотношение между долями различных конфессий в общем числе зарегистрированных религиозных организаций.

Нет сомнений, что по количеству верующих в ПФО в целом доминирует, несмотря на известную специфику округа, Русская православная церковь Мос-

¹ Тарасевич И.А. Указ. соч.

ковского патриархата (РПЦ МП). РПЦ МП достаточно хорошо представлена и в так называемых «мусульманских регионах» округа. На данный момент в ПФО нет ни одного региона, где бы не было православных монастырей (в общей сложности в округе насчитывается 104 монастыря).

Южный федеральный округ (ЮФО) с точки зрения «культурных портретов» составляющих его регионов является, пожалуй, одним из самых пестрых. В нем, как в микромодели России, отразилось многообразие этнических культур народов, населяющих его, что, безусловно, сказывается на социальной жизни регионов и проявляется в их разнохарактерности.

В целом, несмотря на то, что по общим показателям национального состава округа он выглядит как «русский» (83,75 % русских, по данным ВПН 2010 г.), тем не менее, ЮФО – довольно сложный в социокультурном плане. Территория ЮФО охвачена интенсивными миграционными процессами, суть которых заключается не только в простом перемещении некой массы людей из одной местности в другую, но и в закреплении на ней при условии бесконфликтного существования со старожильческим населением.

В Южном федеральном округе представлены все три мировые религии – ислам, христианство (православная и протестантская ветви), буддизм. Конфессиональное пространство в целом здесь условно делится на следующие основные части: 40 % – религиозные организации Русской православной церкви; 30 % – религиозные организации мусульман; 26,5 % – протестантские организации, 3 % – буддисты и иудеи, 0,5 % – другие религиозные течения. В 2015 г. во всех регионах округа зарегистрировано 3 275 религиозных организаций.

На Северном Кавказе ислам, являясь преобладающей конфессией, стал влиятельным фактором общественной и политической жизни. Тенденция реисламизации населения северокавказских республик и политизации самой религии на фоне нищеты, тотальной коррупции, клановости и разгула преступности по-прежнему носит угрожающий характер для целостности государства, выполняя дезинтеграционную функцию как в межконфессиональном, так и во внутриконфессиональном диалоге.

Наиболее серьезным является противостояние между традиционалистами, на стороне которых выступает региональная власть, и фундаменталистами, представленными так называемым религиозным течением «ваххабизм». Деятельность последнего в некоторых регионах страны запрещена, что автоматически поставило многих сторонников данного религиозного направления вне закона, приравняв их к религиозным фанатикам, готовым использовать радикальные методы в достижении собственных целей. К таким радикалам были отнесены и умеренные представители данного религиозного течения, в число требований которых помимо чисто религиозных вопросов входили социальное

равенство и справедливость, что не могло не найти поддержки у обнищавшего населения северокавказских республик.

Отсутствие улучшений за последние годы в социально-экономическом секторе южных регионов страны является основной причиной высокого уровня религиозности населения, которое видит спасение из сложившейся ситуации в следовании тем этносоциальным и психологическим установкам, формирование которых проходит под определяющим влиянием религиозного фактора.

На территории Уральского федерального округа проживают представители более 120 этнических групп, действуют представители более 40 религиозных конфессий, зарегистрировано более 1 300 религиозных объединений.

Большинство населения округа – православного вероисповедания (примерно 70–75 %); более 20 % исповедуют ислам. При этом граждане мусульманского вероисповедания составляют около 40 % приверженцев данной конфессии в России. Основные научно-богословские институты, духовные управления и места массовых культовых отправлений мусульман сосредоточены в республиках Татарстан и Башкортостан. Однако религиозно-административные мусульманские подразделения (муфтиаты, мечети, молельные дома и отдельные представители данной конфессии – миссионеры) имеются практически во всех регионах округа.

Также на территории округа осуществляют свою деятельность представители иудаизма, католицизма, лютеранства и некоторых других конфессий (например, баптисты, а также действующая в южных областях Поволжья Армянская апостольская церковь). Однако существенного влияния на формирование общественного мнения представители данных конфессий не оказывают.

Первое место по количеству организаций в Сибирском федеральном округе занимает православие (54,7 % всех религиозных организаций), представленное главным образом Русской православной церковью (53,3 %). Затем следуют протестантизм (24 %), мусульманство (6,2 %), буддизм (5,4 %), «свидетели Иеговы» (3,0 %), католицизм (2,6 %), шаманизм (1,0 %). Число организаций каждой из других конфессий (около 30 %) не превышает 0,1 %. Отмечаются связи конфессий с этносами. В городских поселениях находится большая часть религиозных организаций, однако на душу населения их больше в сельских поселениях. К основным конфессиональным инновациям округа можно отнести широкое распространение организаций различных протестантских деноминаций, организаций «свидетелей Иеговы», организаций буддизма, относящихся к западной ветви школы Карма Кагью («Алмазный путь»), а также развитие неошаманизма.

Анализируя социальные процессы, происходящие в религиозной сфере на территории российского Дальнего Востока, можно сделать вывод, что в регионе сложилась специфическая конфессиональная ситуация, значительно отличаю-

щаяся от положения в других регионах страны. В многонациональном и поликонфессиональном Дальневосточном регионе, где процесс «религиозного возрождения» сопровождался конфликтами ряда конфессий с органами власти и напряженными межконфессиональными отношениями, религия способствует самоидентификации религиозно-этнической группы, ее интеграции и сплочению перед лицом господствующей социальной группы, исповедующей другую религию (православие): поляки – католики, немцы – лютеране, татары – мусульмане, евреи – иудеи и т.д. В регионе, где проживают представители более 120 народов России, культурно конфессиональная самоидентификация способствует как сохранению национальной самобытности, так и поиску основ межконфессионального и межэтнического диалога.

В России до 2013 г. оскорбление религиозных чувств не имело такой степени и характера общественной опасности, чтобы отнести данное деяние к уголовным, и в связи с этим являлось административным правонарушением. В июне 2013 г. произошло событие, вызвавшее множество споров в юридическом сообществе и разделившее общественность, – это акция участниц панк-группы Pussy Riot в храме Христа Спасителя в Москве. В результате были приняты поправки об ужесточении ответственности за оскорбление чувств верующих, в том числе устанавливающие уголовную ответственность в виде лишения свободы за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих.

По данным Фонда общественного мнения, в рассматриваемый период времени (июнь 2013 г.) к православным относили себя 64 % респондентов, к приверженцам иных христианских конфессий (католики, протестанты, униаты, баптисты и др.) и новых религиозных движений – по 1 % опрошенных, к исламу – 6 %. Свою конфессиональную принадлежность не определили 4 % респондентов, не считают себя верующими 25 % жителей. Среди новых религиозных течений наиболее распространены адвентисты седьмого дня, Церковь объединения (Муна), Общество сознания Кришны (вайшнавы), «свидетели Иеговы» и др. В количественном отношении организации «по вере» распределились следующим образом: православные – 44,1 %, протестанты – 30,3 %, мусульмане – 19,3 %, «свидетели Иеговы» – 4,1 %, католики – 1,4 %, представители Армянской апостольской церкви – 0,8 %.

В территориальном срезе большая часть зарегистрированных религиозных организаций сформирована в городах (61,4 %) и поселках (32,4 %), что в определенной мере обуславливает наибольшее количество преступных проявлений религиозной нетерпимости в городской среде.

Исследуя структуру и динамику преступлений, посягающих на свободу совести, следует исходить из того, что оценка любых совершаемых преступлений формируется в основном из сведений, содержащихся в официальной статисти-

стике, и, как правило, это статистика МВД России. Указанный информационный ресурс нельзя признать достаточно полным и конкретизированным. По некоторым составам преступлений существуют лишь отдельные разрозненные сведения, что затрудняет выявление тенденций рассматриваемых деяний, анализ причин и условий, способствующих их совершению, а также повышение эффективности предупредительных мер.

Следует отметить, что если статистический учет по экстремистским преступлениям ведется и ежегодные данные отражаются в «именных» статистических сборниках ГИАЦ МВД России, то отдельной базы по преступлениям, посягающим на свободу совести (только по религиозному мотиву), нет. Это связано с тем, что мотив политической, идеологической, расовой, национальной и религиозной ненависти и вражды в статистике объединен в одну группу. По нашему мнению, это в корне неверно, так как вырабатываемые меры противодействия преступлениям, совершенным по политическим мотивам, не могут в полном объеме быть применимы к преступлениям, посягающим на свободу совести, а значит и сведения по этим преступлениям должны быть разделены.

Приведем примеры наиболее громких уголовных дел.

В феврале 2016 г. в Оренбурге суд вынес приговор в отношении бывшего преподавателя местного медицинского университета Сергея Лазарова. В 2013 г. он опубликовал на своем сайте статью некоего «окультиста Белозерского» под названием «Злой Христос». В тексте присутствовали резкие эпитеты – «убийца», «бог-каратель», «тиран», «сатана».

Инициатором возбуждения уголовного дела стал сотрудник Центра по борьбе с экстремизмом регионального управления МВД Артем Бекеев. Потерпевших верующих в деле не было. Бекеев передал текст статьи на экспертизу, и та показала, что «в статье содержатся высказывания, могущие способствовать возбуждению религиозной, расовой, национальной ненависти или вражды».

В апреле 2016 г. суд признал Лазарова виновным в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 148 УК РФ, и приговорил к штрафу в 35 тыс. руб. с освобождением от наказания в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности. Лазаров, который вину так и не признал, пытался обжаловать приговор, но вышестоящая инстанция оставила его в силе.

В июле 2016 г. суд Кировской области признал двух местных жителей Константина Казанцева и Рустема Шайдуллина виновными в том, что осенью 2015 г. они повесили самодельное чучело с оскорбительной надписью на поклонный крест в деревне Старая Малиновка. Какие цели преследовали мужчины – не известно, но следствие, а потом и суд усмотрели в их действиях признаки именно ч.1 ст. 148 УК РФ – публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Согласно вердикту, обвиняемые преследовали «цель надругаться над почитаемой

верующими религиозной святыней — православным крестом как символом веры, на котором принял мучительную смерть Христос».

Оба мужчины были приговорены к 230 часам обязательных работ каждый. Они полностью согласились с предъявленным обвинением, признали себя виновными, раскаялись в содеянном и попросили вынести приговор без проведения судебного разбирательства.

Признал свою вину в оскорблении религиозных чувств верующих и дагестанский спортсмен Саид Османов. Дело в отношении его возбудили в апреле 2016 г. после инцидента в Элисте, где приехавший на соревнования по вольной борьбе Османов зашел вместе с товарищами по команде в буддийский храм, помочился там и ударил ногой статую Будды. Ко всему прочему, борец еще и снял все происходящее на видео, чем привел в негодование жителей Элисты. Они приехали к зданию гостиницы, в которой остановились спортсмены, и потребовали извинений. Османов их принес, однако в отношении его сначала возбудили уголовное дело по ст. 148, а затем еще и по ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды). Спортсмен был арестован. Элистинский городской суд Калмыкии назначил ему наказание в два года условно с испытательным сроком в один год.

В середине апреля 2016 г. Кировский районный суд Екатеринбурга (тот же, что выносил решение об аресте видеоблогера Соколовского) направил на принудительное лечение Антона Симакова, называющего себя «магистром магии вуду». Ранее в отношении «магистра» было возбуждено уголовное дело по ст. 148 УК РФ: в своем офисе Симаков совершил некий обряд, цель которого, по его словам, состояла в магическом воздействии на власти Украины. В обряде использовались кукла вуду, кровь жертвенного животного, а также предметы православного культа – погребальные покров и венчик, печатный экземпляр разрешительной молитвы, которая читается над покойником по время отпевания, и небольшой деревянный крест. До этого Симаков в присутствии журналистов совершил публичный обряд жертвоприношения, обезглавив петуха. Еще он вешал на мосту чучело украинского президента Петра Порошенко, объясняя свой поступок тем, что ему нужно было «уничтожить украинского президента».

Вышеперечисленные факты объединяет то, что лица, имеющие антиобщественные настроения, выступали с радикальными высказываниями в адрес определенных групп общества, при этом свои действия они снимали на видео и затем распространяли в Интернете, как правило, привлекая внимание большого количества людей и вызывая тем самым большой общественный резонанс. Именно в этом проявляется дерзость виновных лиц, их вызов по отношению к другим членам общества.

3. ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА СВОБОДУ СОВЕСТИ

Анализ региональных аспектов привлечения к уголовной ответственности за преступления, посягающие на свободу совести и вероисповедания, позволил прийти к выводу, что динамика таких преступлений, так же как и сложившаяся правоприменительная практика, имеют региональные особенности.

Из приведенных в приложениях к работе статистических данных видно, что основная доля религиозных организаций и конфессиональных сообществ, приходится на Центральный, Северо-Западный, Приволжский и Южный федеральные округа. Это же, вероятно, оказывает влияние на неравномерность в динамике посягательств на межконфессиональное согласие и толерантность.

Очевидно, что все из приведенных выше фактов оскорбления чувств верующих, которые получили наибольший общественный резонанс и которые создавали опасность разжигания межконфессиональных конфликтов, отмечались в тех регионах, где наиболее высокая плотность населения с большим многообразием этнических и конфессиональных сообществ. И, напротив, наиболее благополучным с точки зрения межконфессионального, а в итоге и межэтнического согласия представляются менее освоенные и заселенные регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока. Однако парадокс заключается в том, что именно на этих территориях с наименьшей плотностью коренного населения отмечается самая широкая полиэтничность при относительной немногочисленности, по сравнению с центральными регионами страны, религиозных конфессий. Вместе с тем следует подчеркнуть объединяющее различные этносы значение традиционных для России религий.

Доминирование позитивных межэтнических и межконфессиональных отношений в регионах Дальнего Востока и Восточной Сибири также подтверждается результатами проведенных сотрудниками Лаборатории региональных социально-гуманитарных исследований Института комплексного анализа региональных проблем (ИКАРП ДВО РАН) социологических опросов в различных молодежных группах. Опросы показали, что практически все группы состоят из молодых людей разных национальностей, большинству из них присущи не просто толерантные (терпимые), а заинтересованные, доброжелательные и участливые отношения к представителям иных национальностей и их культурам. Выявлено, что большинство молодых людей идентифицируют себя с тем или иным этносом и гордятся своей национальностью; уважительно относятся к традициям и обычаям своего и других народов и хотят больше знать о них; никогда не испытывают неприязни к людям иных национальностей или дискриминационных отношений по национальному признаку; не испытывают напряжения или раздражения в окружении людей других национальностей;

одобряют дружбу между людьми разных национальностей и позитивно или как к обычному явлению относятся к межнациональным бракам; считают недопустимыми ограничения в праве проживания на территориях Еврейской автономной области (ЕАО) и всего Дальнего Востока по национальному признаку. Такие отношения – благоприятная питательная почва для воспитания у молодёжи культуры межнационального и, как следствие, межконфессионального мира и согласия¹.

Известно, что национальный состав населения на рассматриваемой территории в её современных границах формировался и продолжает формироваться вследствие динамичных миграционных процессов. На эти земли мигрировали представители разных национальностей из бывшей Российской империи, а впоследствии из союзных республик СССР, нынешнего СНГ и стран дальнего зарубежья.

Рассмотрим особенности сложившейся межконфессиональной ситуации на примере Еврейской автономной области.

В результате миграционных процессов население области по его этническому составу сегодня представляет собой многонациональное сообщество и продолжает изменяться. Так, Всероссийская перепись населения 2010 г. зафиксировала в ЕАО 176 558 жителей, среди которых в разных количествах представлены более 100 национальностей: русские – 160 185 чел. (90,7 %), украинцы – 4 871 чел. (2,8 %), евреи – 1 628 чел. (0,9 %), татары – 879 чел. (0,5 %), другие национальности – 5 163 чел. (2,9 %), не указавшие национальность – 3 832 чел. (2,2 %)².

Очевидно, что состав жителей Еврейской автономной области в настоящее время в достаточном приближении моделирует полиэтничный состав населения России. Однако большинство экспертов из разных сфер деятельности и гости области оценивают современное состояние межнациональных отношений среди населения Еврейской автономной области как достаточно благополучное. По крайней мере, в течение нескольких десятилетий на территории ЕАО не было заметных межнациональных и религиозных конфликтов в экстремистских формах их проявления, подобных известным конфликтам такого рода в ряде стран Евросоюза и в США, в ряде государств на так называемом

¹ Никитенко В.Н. Воспитательный потенциал молодёжных полиэтнических сообществ: монография / под ред. И.Н. Ищенко. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН-БФ АмГУ, 2012.

² Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 25.06.2015).

«постсоветском» пространстве и даже в некоторых регионах современной России (например, регионы Северного Кавказа)¹.

Мониторинг информационных ресурсов сети Интернет, социологические наблюдения, анализ соответствующих направлений криминологической статистики и правоприменительной практики позволили прийти к выводу, что региональные особенности в межэтнических и межконфессиональных отношениях можно экстраполировать и на правовые отношения в сфере обеспечения свободы совести и межконфессионального согласия. Вместе с тем следует признать, что вопросы уголовной ответственности за посягательства на указанные объекты уголовно-правовой охраны во многом связаны с проблемами современного уголовного законодательства в этой части. И, как отмечалось нами выше, неоднозначность законодательных формулировок, широкая конкуренция соответствующих правовых норм и отсутствие обобщения судебной практики по исследуемым категориям уголовных дел сказались и на эффективности уголовной ответственности за подобные преступления в целом.

Так, появление новой терминологии в положениях ст. 148 УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления против свободы совести и вероисповедания, повлекло множество вопросов у правоприменителей и теоретиков, отсюда проблемы при раскрытии и расследовании уголовных дел данной категории. Законодатель в погоне за оперативностью реагирования на социальные процессы пренебрег точностью формулировок в статье Уголовного кодекса, а вольная трактовка нормы может лишить человека одного из самых важных прав – свободы.

Правильное толкование понятий «верующие», «чувства верующих», «оскорбление чувств верующих», «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу», «свобода совести и вероисповедания» имеет значение для определения объекта и объективной стороны как основных элементов состава преступлений, посягающих на свободу совести и вероисповедания.

Сегодня в России зарегистрировано 26 тыс. религиозных организаций, и это число с каждым годом увеличивается. При этом православие распространено на территории страны в большей мере. На его примере проанализируем понятие «верующий». При проведении исследования выяснилось, что среди людей, считающих себя православными, много тех, которые не знают, что такое православие, обладают поверхностными знаниями в этой области, считают себя православными, потому что верят в Бога. Следующая категория православных людей – воцерковленные, то есть те, которые причащаются раз в месяц и чаще или несколько раз в год. Существуют и «православные атеисты». Они

¹ Никитенко В.Н., Аверина Ю.Н. Межэтнические отношения в системе национальной безопасности в Еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 2. С. 86–92.

крестят детей, венчаются, но только не верят в Бога. Но они «православные» в силу традиций, быть православным важно для них в плане личностного самосознания.

Возникает вопрос: каким образом учитывать мнение верующих этих категорий, кто должен транслировать их мнение и кого в результате признавать потерпевшим при расследовании обозначенных преступлений?

На наш взгляд, в контексте ст.148 УК РФ понятие «верующие» можно было бы трактовать следующим образом. Верующие – группа лиц, объединенная в религиозную организацию, зарегистрированную в установленном законом порядке. При этом только организация должна принимать решение об оскорблении их чувств как верующих, без учета мнения государственных структур.

Следующее понятие, требующее внимания, – это «свобода совести и вероисповедания». В научной литературе, содержащей комментарии к УК РФ, раскрытию термина вообще не уделяется внимание, что, скорее всего, свидетельствует об уверенности авторов в однозначном его понимании, хотя законодательство, тем более уголовное, не признает «примерных» величин, а правоприменитель предпочитает пользоваться прописанными в Уголовном кодексе понятиями и терминами. Тем не менее, вопрос о значении указанного термина является дискуссионным. Понятие совести много веков является предметом спора философов, теологов, ученых. Являясь в большей мере категорией этики, «совесть» – понятие субъективное. В праве свобода совести является отношением индивида к вопросам веры и религии. При этом говорить о том, что человек примитивно поставлен перед выбором – верить или не верить, нельзя, потому что в нашем государстве имеется множество конфессий и к любой из них человек может примкнуть, руководствуясь своими внутренними убеждениями, воспитанием, нравственными ценностями¹.

Свобода совести является своеобразным мерилom уровня развития государства, духовности общества, общественно-политической и культурной зрелости. Она неразрывно связана со свободомыслием, формируется в связи с развитием вольнодумного стремления к беспрепятственному обсуждению религиозных вопросов. Свобода совести как религиоведческое понятие служит для обозначения самостоятельности (и самоконтроля) личности в ситуации религиозно-мировоззренческого выбора. Она может быть охарактеризована как свобода человека самостоятельно определять свое отношение к религии, осуществлять выбор между мировоззренческими альтернативами – быть последователем какой-либо религии либо отвергать религиозную веру, вести религиозный либо безрелигиозный образ жизни, а также свободно выражать и распространять

¹ Беспалько В.Г. Уголовно-правовая охрана религиозных отношений // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 41–50.

данные убеждения. Свобода совести реализуется также в равенстве в гражданских правах и перед законом независимо от отношения к религии, в отсутствие принуждения, преимуществ либо ограничений в связи с исповеданием или неисповеданием религии. Формами выражения свободы совести являются, таким образом, свобода вероисповедания и свобода атеизма.

Для правоприменителей проблема доказывания объективной стороны данного преступления состоит в том, что субъективно религиозные ценности для каждого верующего определяются индивидуально и у каждой конфессии эти ценности свои. Проведение лингвистической экспертизы высказываний, оскорбляющих чувства верующих, могло бы оказать неоценимую помощь в работе правоохранительных органов. Эксперты, не давая юридической оценки содеянному, могут установить речевые акты оскорбления чувств приверженцев той или иной конфессии, основываясь на многосторонних знаниях о религии, определить значение религиозных символов и установить их искажение. Оценка действий виновного лица с точки зрения теологической науки может помочь правоприменителям в юридической оценке совершенного преступления, в дальнейшей профилактике и предупреждении таких преступлений.

При доказывании субъективной стороны преступлений, посягающих на свободу совести и вероисповедания, необходимо принимать во внимание тот факт, что одной из причин совершения таких преступлений является религиозная безграмотность, отсутствие полноценного знания о сути самой религии. Следует помнить, что лицо, совершающее любое деяние на религиозной почве, имеет особую психологическую направленность. В этом случае под мотивом надо понимать не внешние побуждения субъекта, которые лежат на поверхности, а внутренние, которые являются истинными для человека¹. Анализ исследований в этой области позволяет выделить побудительный личностный мотив, который подразделяется на четыре вида: эмоциональный, невротический, психопатологический и корыстный. Публичные действия, совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, могут иметь и экстремистские мотивы.

Мотивация и целеполагание представляют собой взаимообусловленные проявления психики и результат воспитания и становления человека как личности. Не является исключением и криминальное поведение ввиду того, что установление подобной взаимосвязи между мотивами, целями и действиями имеет не только важное доказательственное значение, но в ряде случаев является обя-

¹ Никитенко И.В., Хомик Э.В. Мотивация лица, совершившего деяние, направленное против свободы совести и вероисповедания // Реформа уголовного законодательства в Российской Федерации (к 20-летию Уголовного кодекса Российской Федерации): мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2017. С. 133–136.

зательным условием установления вины в отношении весьма широкого круга преступлений.

Таким образом, доказывание субъективной стороны рассматриваемых преступлений является наиболее проблемным.

С учетом того, что основным путем распространения информации, оскорбляющей чувства верующих, являются СМИ, центральные и региональные информационные потоки должны быть строго дозированными и целенаправленными. Предоставление трибуны заинтересованным в расколе общества дает возможность им достичь своей главной цели – использовать средства массовой информации для пропаганды своих идей или запугивания мирового сообщества. Кроме того, средства массовой информации, вещая о проявлениях религиозного экстремизма, не сообщают сведений из истории народов, религий, о мотивах событий, откуда взялись вооруженные люди и в чьих интересах совершаются насилия и массовые убийства. Средства массовой информации, часто спекулируя «жареными фактами», тиражируют в массы своих зрителей и подписчиков информацию, которая впоследствии неправильно трактуется и выдается за истину. Чрезмерная демонстрация насилия, смакование фактов межконфессиональных разногласий без правовой оценки приводят к тому, что подрастающее поколение, молодежь, ввиду отсутствия критического мышления, демонстрирует полное неприятие других наций, культур, религий. Попытки прикрыться правом на свободу слова представителями СМИ не может их оправдать, ибо свобода слова совсем не значит вседозволенность, посягательство на менталитет того или иного народа, частную жизнь. Свобода слова вовсе не отменяет элементарное уважение к религиозным чувствам верующих. Именно средства массовой информации должны способствовать развитию правильного понимания других культур и религий, пропагандировать уважительное отношение к другим конфессиям.

Результативность профилактики преступлений против свободы совести и вероисповедания в значительной степени зависит от уровня профессионального мастерства сотрудников правоохранительных органов. В связи с этим большое значение имеет рассмотрение вопросов подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников, особенно органов службы безопасности и внутренних дел, по рассматриваемой линии. Такой подход предполагает создание в учебных заведениях этих ведомств специализированных потоков с увеличением объема подготовки по линии борьбы с экстремизмом, с его насильственными проявлениями, с уделением особого внимания конфликтологии, социологии, психологии, теологии, спецподготовке и т.п.¹

¹ Никитенко И.В., Хомик Э.В. Уголовная ответственность за посягательства на свободу совести и межконфессиональное согласие: вопросы теории и законодательства // Вестник ДВЮИ МВД России. 2017. № 1 (38). С. 60–64.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня в России проблемы, связанные с оскорблением чувств верующих, с посягательствами на свободу совести, нарушением прав граждан, не имеющих религиозных убеждений, равно как и имеющих сугубо атеистические воззрения, являются злободневными и носят достаточно острый характер.

Наличие таких проблем связано, в том числе, и с тенденцией резкого увеличения числа религиозных организаций, которые официально зарегистрированы на территории нашей страны и действуют в целях пропаганды своих религиозных ценностей, убеждений, идей.

Подводя итог проведенному исследованию, следует констатировать существенные проблемы при привлечении к ответственности и реализации правовых мер по охране свободы совести и вероисповедания.

Большая часть преступлений имеет информационный посыл как можно к более широкому кругу общественности, что обуславливает их совершение в общественных местах. Практически всегда их демонстративное совершение вызывает широкий общественный резонанс, что говорит о равнодушном отношении граждан к соблюдению их права на свободу совести.

Можно выделить следующие тенденции развития преступлений, посягающих на свободу совести:

- их дальнейшее увеличение;
- повышение степени общественной опасности ввиду ужесточения способов совершения;
- сохранение высокой степени латентности.

Так как последствиями преступлений, посягающих на свободу совести, могут стать раскол общества, нарушение баланса интересов общества и государства, формирование благоприятной почвы для их развития, распространения, что, несомненно, отрицательно скажется на стабильности российской государственности в целом, необходимо совершенствовать имеющиеся сегодня меры предупредительного характера, а также с учетом современных условий разрабатывать новые.

Количество зарегистрированных религиозных организаций

<i>Название округа, края области</i>	<i>2015</i>	<i>2016</i>	<i>2017</i>
Российская Федерация	24624	25541	26442
Центральный федеральный округ	6682	6823	6961
Белгородская область	328	336	354
Брянская область	248	255	264
Владимирская область	354	361	364
Воронежская область	409	432	462
Ивановская область	256	261	260
Калужская область	219	219	231
Костромская область	175	178	180
Курская область	332	331	335
Липецкая область	305	308	309
Московская область	1451	1481	1444
Орловская область	181	185	189
Рязанская область	422	437	443
Смоленская область	225	223	221
Тамбовская область	209	215	226
Тверская область	280	285	280
Тульская область	212	225	242
Ярославская область	345	348	359
г. Москва	731	743	798
Северо-Западный федеральный округ	2161	2131	2163
Республика Карелия	199	200	200
Республика Коми	174	177	182
Архангельская область	190	197	198
Вологодская область	142	141	142
Калининградская область	170	171	173
Ленинградская область	395	342	350
Мурманская область	120	119	121
Новгородская область	117	118	122
Псковская область	261	267	265
г. Санкт-Петербург	393	399	410

Южный федеральный округ	1920	1973	2039
Республика Адыгея	80	81	82
Республика Калмыкия	74	81	83
Республика Крым	58	86	86
Краснодарский край	724	728	733
Астраханская область	153	157	164
Волгоградская область	404	404	406
Ростовская область	485	522	571
Северо-Кавказский федеральный округ	1789	1856	1881
Республика Дагестан	740	771	780
Республика Ингушетия	21	20	20
Кабардино-Балкарская Республика	174	179	181
Карачаево-Черкесская Республика	152	157	159
Республика Северная Осетия - Алания	82	88	94
Чеченская Республика	177	176	177
Ставропольский край	443	465	470
Приволжский федеральный округ	6786	7148	7503
Республика Башкортостан	965	1090	1208
Республика Марий Эл	130	134	140
Республика Мордовия	409	433	454
Республика Татарстан	1505	1594	1683
Удмуртская Республика	225	229	240
Чувашская Республика	305	307	309
Пермский край	429	430	435
Кировская область	202	211	219
Нижегородская область	590	608	630
Оренбургская область	372	400	405
Пензенская область	440	458	472
Самарская область	578	588	588
Саратовская область	355	376	411
Ульяновская область	281	290	309
Уральский федеральный округ	1505	1585	1653
Курганская область	118	119	118
Свердловская область	673	705	747
Тюменская область,	378	407	414
в том числе:			
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	128	140	146
Ямало-Ненецкий автономный округ	67	67	68

Тюменская область без автономных округов	183	200	200
Челябинская область	336	354	374
Сибирский федеральный округ	2191	2364	2470
Республика Алтай	44	46	50
Республика Бурятия	200	208	214
Республика Тыва	42	50	54
Республика Хакасия	76	119	119
Алтайский край	244	269	296
Забайкальский край	107	110	111
Красноярский край	298	305	326
Иркутская область	283	304	318
Кемеровская область	301	317	329
Новосибирская область	189	199	209
Омская область	270	268	269
Томская область	137	169	175
Дальневосточный федеральный округ	1010	1041	1061
Республика Саха (Якутия)	126	132	135
Камчатский край	54	55	57
Приморский край	311	315	320
Хабаровский край ¹	210	224	226
Амурская область	129	129	132
Магаданская область ²	55	55	56
Сахалинская область	125	131	135
Еврейская автономная область
Чукотский автономный округ

1. Включая Еврейскую автономную область.

2. Включая Чукотский автономный округ.

Состав населения Российской Федерации по отношению к религии (2017 г.)

№ п/п	Вероисповедание	Численность, тыс. чел.	Доля в населении России, %
1	Православие	110 500	73,62
2	Ислам	15 300	10,19
3	Старообрядчество	2 000	1,33
4	Протестантизм	1 000	0,67
5	Буддизм	1 000	0,67
6	Армяно-григорианство	900	0,60
7	Католицизм	500	0,33
8	Язычество	500	0,33
9	Иудаизм	50	0,03
10	Езидизм	50	0,03
11	Прочее	100	0,07
12	Без религии	18 200	12,13

Отношение к религиозным организациям

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НАСКОЛЬКО БОЛЬШОЕ ВЛИЯНИЕ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ
ОКАЗЫВАЮТ В НАШЕЙ СТРАНЕ ЦЕРКОВЬ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ?

	Май, 1991	Сентябрь, 1998	Январь, 2008	Июль, 2012	Март, 2013	Август, 2014	Февраль, 2016	Июнь, 2017
Слишком много	2	5	4	10	6	7	5	7
Немного больше, чем необходимо	4	11	14	18	19	16	12	16
Ровно столько, сколько должно быть	22	27	45	44	48	42	56	39
Немного меньше, чем необходимо	16	9	11	8	8	6	10	8
Слишком мало	30	13	7	7	5	5	6	6
Затруднились ответить	26	35	19	14	14	25	10	24
Отношение положительных и отрицательных ответов	6/46	16/22	18/18	28/15	25/13	23/11	17/16	23/14

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Кодекс РФ об административных правонарушениях.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации.
4. О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
5. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
6. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

Научные статьи и книги:

1. Арямов А.А., Руева Е.О., Пономаренко В.С. Вариация на тему уголовно-правовой охраны свободы вероисповедания в Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2014. № 3.
2. Беспалько В.Г. Уголовно-правовая охрана религиозных отношений // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 41 – 50.
3. Забарчук Е.Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности // Журнал российского права. 2008. № 6.
4. Кириллов Д.А., Тарасевич И.А. Уголовно-правовые средства обеспечения религиозной безопасности Российской Федерации: об изменениях, внесённых в 2012–2013 годах в статьи 148, 239 Уголовного кодекса РФ // Черные дыры в российском законодательстве. 2013. № 5.
5. Никитенко В.Н., Аверина Ю.Н. Межэтнические отношения в системе национальной безопасности в Еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 2. С. 86–92.
6. Никитенко В.Н. Воспитательный потенциал молодёжных полиэтнических сообществ: монография / под ред. И.Н. Ищенко. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН-БФ АмГУ, 2012.
7. Никитенко И.В., Хомик Э.В. Мотивация лица, совершившего деяние, направленное против свободы совести и вероисповедания // Реформа уголовного законодательства в Российской Федерации (к 20-летию Уголовного кодекса Российской Федерации): мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2017. С. 133–136.

8. Никитенко И.В., Хомик Э.В. Уголовная ответственность за посягательства на свободу совести и межконфессиональное согласие: вопросы теории и законодательства // Вестник ДВЮИ МВД России. 2017. № (38). С. 60 – 64.
9. Серебренникова А.В. Уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий по УК Германии (параграф 167) и УК Российской Федерации (ст. 148) // Юридические записки. 2013. № 1.
10. Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989.
11. Тарасевич И.А. Обеспечение религиозной безопасности в России и за рубежом: сравнительный конституционно-правовой анализ // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3.
12. Тарасевич И.А. Религиозная безопасность Российской Федерации. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2013.

Научное издание

Никитенко Илья Викторович,

д-р юрид. наук, доцент;

Хомик Элла Владимировна

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПОСЯГАЮЩИЕ НА СВОБОДУ СОВЕСТИ
(РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Аналитический обзор

Редактор Е.Ю. Колобанова

Корректор Н.Б. Хохлова

Подписано в печать 16.07.2018. Формат 60×84¹/₁₆.

Усл. печ. л. 1,86. Тираж 50 экз. Заказ № 18.

Дальневосточный юридический институт МВД России.

Редакционно-издательский отдел. Типография.

680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15.